

- 1 Градообразование в связи с политическими процессами и историей в Залесской земле изучалось А.Н. Насоновым, В.А. Кучкиным и др., см.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984; Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII — первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.
- 2 ПСРЛ 1: 364; ПСРЛ 2: 565.
- 3 Татищев В.Н. История Российская. Т. 4. М., 1964, 242.
- 4 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М., 1963, 44.
- 5 Татищев В.Н. История Российская. Т. 4, 442.
- 6 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3, 241.
- 7 Насонов А.Н. Предисловие. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950, 10; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001, 41; Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., К., 2005, 57; Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009, 68–69.
- 8 ПСРЛ 9: 196–197.
- 9 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 1. М., 2007, 415.
- 10 Ныне наиболее вероятной полагают основание Владимира-на-Клязьме Владимиром Мономахом в 1108 г., см.: Насонов А.Н. «Русская земля» образование территории Древнерусского государства, 165; Кучкин В.А. Формирование государственной территории, 72–73; Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006, 44, 375; Кузнецов А.А. К изучению летописных дат основания Владимира-на-Клязьме. Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1, 3–14.
- 11 Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998, 37–38, 324 (прим. 49).
- 12 Ключевский В.О. Русская история. Кн. 1. М., 1993, 255–256.
- 13 Татищев В.Н. История Российская. Т. 4, 450–451.
- 14 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3, 250.
- 15 Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Преломление источников в историографии. Нижний Новгород, 2006, 380.
- 16 ПСРЛ 9: 247; ПСРЛ 7: 88.
- 17 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3, 97; Т. 4, 280.

Андрей Кузнецов

Искуп

Термин *искоупь* (еще *окупь*, *откупь*) неоднократно встречается на страницах русских летописей при описании военных действий. Во всех случаях обозначает плату за военную помощь или освобождение захваченных противной стороной знатных пленников.

Впервые обозначенное им явление описано в *Повести временных лет* в статье 980 г., рассказывающей об овладении Киевом Владимиром Святославичем. Помогавшие ему варяги потребовали за это у князя вознаграждение: «се гра^ѣ наш и мы приахо^м и . да хоше^м имати ѿкупъ на ни^х . по . в̄ . гривнѣ ѿ члѣвк^а»¹.

Судя по реакции Владимира, речь шла о сумме неподъемной для жителей Киева. Он не отказал варягам, но предложил подождать пока «куны сберу^т

за мѣць». Оказалось, однако, что и по истечении названного срока варяги просимых денег не получили. Не исключено, что с некоторыми из них Владимир рассчитался посадничьими должностями: «изъбра ѿ нихъ мужа добры и смыслены и храбры . и раздаа имъ грады»². Остальные были спроважены «въ Грѣкы», определенно, в счет того же откупа.

Как явствует из летописи, практика *искупов* приобрела особое распространение во время обострения русско-половецких отношений. Причем, прибегали к ней как русские, так и половцы.

В статье 1165 г. *Ипатьевской* летописи сообщается о победе Василька Ярополчича, внука великого киевского князя Изяслава Мстиславича над половцами:

Том же лѣтѣ Василко Ярополчичъ изби Половци на Руси . много же ихъ руками изоима . и вбатиша³ . дружина его . оружьемъ и кони . и самъ искупа много има на нихъ³ .

Из приведенного сообщения следует, что *искуп* за отпущенных пленников не распределялся на всю дружину; в этом случае пленные, в отличие от других трофеев, были сочтены личным достоянием князя.

Вообще, для последующего выкупа очень важно, кто именно взял в плен. Поэтому летописи подчас с протокольной аккуратностью отмечают это обстоятельство, как, например, в известном эпизоде похода Игоря Святославича 1185 г.:

Игора же бахоуть ѿли Тарголове моужь . именовъ . Чилбоукъ . а Всеволода брата его . аль Романъ . Кзичъ . а Стослава Улговича . Еддечюкъ въ Вобоурцевичехъ . а Володимера . Копти в Оулашевичихъ . тогда же на польчи Кончакъ пороучиса . по свата Игоря⁴ .

Можно думать, что с практикой выкупа связана и частая осведомленность летописцев о поименном списке плененных бояр. Вот только один пример. Захватив в 1146 г. Киев, Изяслав Мстиславич получил выкуп от плененных бояр Игоря Ольговича:

и бояры многы изоимаша . Данила Великаго . и Гюрга Прокопъча . Ивора Гюргеви⁴ . Мирослава . вноука . и инѣ⁵ изоимаша много в городѣ Киевѣ . и тако тѣхъ на искоупѣ поустиша⁵ .

Еще определеннее об праве князя на знатных пленников сказано в летописной статье 1190 г., сообщающей о победе над половцами торческого князя Ростислава, сына Рюрика Киевского:

поскочиша стрѣлци же Рускыи . и Чернии Клобуци . въвертѣша⁵ в на . и таша ихъ живыхъ . х . а иныхъ избиша . много же ѿли баху Чернии Клобуци . Половецкаго

кнѣза Кобана . но блѹдучисѧ кнѣза Ростислава не вода его в полкъ . оуладившесѧ с нимъ . на ѧскупъ . и пустиша и⁶.

Содержательно близкая ситуация имела место в 1167 г. с пленением половцами киевского воеводы Шварна. Он также, по-видимому, не был уведен в половецкие становища, но отпущен за определенную плату:

Том же лѣтѣ ѧша Половци Шварна за Переяславлемъ . а дружину его избиша и взаша на немъ искупа множество⁷.

Имели место также и случаи увода знатных пленников в Русь или Половецкую землю, но происходило это тогда, когда обстоятельства не позволяли произвести немедленный расчет. Так, в частности, было с пленением великого киевского князя Владимира Рюриковича в 1235 г. Половцы забрали его в свою землю и только затем, получив *искуп*, отпустили на Русь:

Прѣше⁸ кнѣз Изяславъ Мстиславичъ с Половци . а Михаилъ кнѣз с Черниговци . снѣ Всеволожь . и взаша Києвъ . ∴ И князь Володимерь Рюриковичъ кнаживъ тѣ . т . лѣтѣ . и имше Половци его сведоша в землю свою . и ѡтолѣ взаша искѹпъ на немъ . и ѡпустиша в Русь⁸.

Практика *искупа* имела распространение также и в отношениях между рускими князьями. Причем, содержательно не отличалась от той, которая сложилась между Русью и половцами. Князья, борясь за лучшие волости и столы, нередко прибегали к захвату заложников, с тем, чтобы затем получить за них денежный выкуп.

С первым таким примером встречаемся в летописной статье 1159 г., рассказывающей о конфликте черниговских князей Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича. Узнав о захвате Изяславом Давыдовичем, лишенным киевского стола, Вятичской волости, Святослав Ольгович решил отыгаться на его сторонниках-боярах, имени которых находились в Черниговской земле. Как записал летописец, он «нача искати товара . Изяславлихъ боярь . и жены ихъ изоима . и има на ни⁸ искупъ»⁹. Цель этих захватов — получение выкупа, что и произошло: Святослав получил денежную плату за отпущение боярских жен.

Аналогичное событие произошло и в 1174 г. Не признав великокняжеские права волынского князя Ярослава Изяславича, на котором положили старейшинство князь Ростиславичи, Киевом неожиданно овладел черниговский князь Святослав Всеволодович: «Стославъ въѣха въ Києвъ . и сѣде на столѣ дѣда своего и ѡца своего». При этом, он захватил не только «имѣние Йрославле бещисла», но и пленил его жену и сына, отправив их в Чернигов: «ту же заѣхаша кнагиню Йрославлю и ѧша . снѣмъ и дружину его ѧша всю послаша къ Чернигову». Затем, также неожиданно, Святослав оставил Киев

и в него вновь вернулся Ярослав. Князь потребовал, чтобы необходимую сумму *искупа* заплатили киевляне: «подъвели есте . вы на ма Стослава . промышлаите чимъ выкупити . кнагиню и дѣта». Из продолжения летописного рассказа видно, что размер выкупа был очень большим; для того, чтобы собрать его князь «попрода всь Къевь . игумены и попы и черныцѣ . и черницѣ . Латину и гостѣ и затвори всѣ Кыяны»¹⁰.

Практика подобных *искупов* была настолько обычной, что Ярослав и не подумал обратиться к Святославу с просьбой отпустить жену и сына по доброй воле. Хотя такие случаи также имели место.

Об одном из них говорится в статье 1196 г. *Ипатьевской* летописи. Во время военного конфликта между черниговскими и смоленскими князьями, Ольговичи пленили племянника Давыда Ростиславича Мстислава. Рюрик Ростиславич обратился за помощью к Всеволоду Суздальскому:

нынѣ же брате и моему снѣви и твоему . Мьстиславоу тако са потѣкло . ажъ вазить оу Волговичь . абы не страпа всѣль на кона . а быхомъ снемьшеса . гдѣ любо помьстилъ вбиду и сорома своего . и снѣца своего быхомъ выстоали¹¹.

Узнав об этой угрозе, Ярослав Черниговский предложил мировую и согласился отпустить Мстислава Романовича по доброй воле, без выкупа: «аже и Бѣ како расоудиль . то азъ Мьстислава даю тобѣ безъ искоупа . по любви»¹².

Выкуп мог быть предварительным условием сдачи в плен, как о том свидетельствует случай во время битвы на Калке 1223 г., закончившийся, впрочем, трагически. Попав в безнадежное положение, Мстислав Романович заключил договор с воеводой бродников Плоскиней,

и тѣ оканьнии воевода цѣловавъ крестъ четьстныи къ Мьстиславу и къ обѣма князема, око ихъ не избити, нѣ пустити ихъ на искупъ, и сьлга оканьнии: прѣда ихъ, извязавъ, Татаромъ¹³.

Нет сомнения, что в реальной жизни подобных прецедентов *искупа* было значительно больше, чем отмечено в летописях. Но и из приведенных видно, что они были обычной практикой, охватывавшей все военное сословие Руси. Ни в одном случае летопись не говорит о каких бы то ни было переговорах относительно уклонения от этой нормы, даже и в том случае, когда плененной оказывалась великая княгиня, как это имело место в 1174 г. с женой киевского князя Ярослава Изяславича. Не вполне понятно, что понуждало безусловно платить *искуп*, ведь жизни знатных пленников, и тем более женщин, едва ли что-либо угрожало в плену у близких родственников. Но, как видно из случая 1196 г., плен, даже и почетный, считался унижительным состоянием; *обиды* и *сорома* необходимо было избавиться как можно быстрее. Выдача пленников без *искупа*, но «по любви», как отметил летописец в статье 1196 г.,

определенно была исключением из общего правила и являлась своеобразной милостью победителя.

Захват знатных или состоятельных пленников с целью последующего выкупа — обычное явление средневековой войны и подчас едва ли не главная цель сражения.

- 1 ПСРЛ 2: 66.
- 2 ПСРЛ 2: 66.
- 3 ПСРЛ 2: 525.
- 4 ПСРЛ 2: 644.
- 5 ПСРЛ 2: 327.
- 6 ПСРЛ 2: 672.
- 7 ПСРЛ 2: 527.
- 8 ПСРЛ 1: 513. *Новгородская I* летопись добавляет, что князья, кроме того, наложили контрибуцию и на проживающих в городе иностранцев: «и на Нѣмцихъ имаша искупъ князи» (НПЛ: 74).
- 9 ПСРЛ 2: 502.
- 10 ПСРЛ 2: 578–579. Как видно из сообщения *Ипат.* под 1146 г., если не удавалось достичь военного успеха, князья стремились по крайней мере захватить домашних противника. Изяслав Давыдович говорил о Святославе Ольговиче: «аче самъ оутечеть мене . а женоу и дѣти ѿ него ѿшимоу и имѣние его всхъщю» (ПСРЛ 2: 335).
- 11 ПСРЛ 2: 695.
- 12 ПСРЛ 2: 695.
- 13 НПЛ: 63.

Петр Толочко

Читаем Галицко-Волынскую летопись¹

В рассказе *Галицко-Волынской летописи* о поездке Даниила Романовича в ставку Батгя осенью 1245 — зимой 1246 гг. содержится описание переживаний, которые якобы испытал князь, встретив под Переяславлем первых татар и узнав, что «нѣ^ѣ в ни^ѣ добра»:

ѿтоу же нача болми скорбѣти дѣю . вида бо вбладаемы дьаволомъ . сквѣрнаа ихъ . коудѣшскаяа бладеньа . и Чигизаконова . мечтанья сквѣрнаа его . кровопитья . многыа еѣ волжьбы . приходшаа цѣри и князи . и велможѣ . слнцю и лоунѣ . и земли . дьаволоу . и оумрѣшимъ въ адѣ шцмъ ихъ . и дѣдомъ . и мтрмъ . водаше школо коста . поклонатиса имъ . ш сквѣрнаа прелестъ ихъ . се же слыша велми нача скорбѣти . ѿтоуда же приде к Батыеви на Волгоу².

Синтаксис фрагмента не безупречен, что объясняется несомненно вставным характером текста между словами «ѿтоу же нача болми скорбѣти» и «велми нача скорбѣти . ѿтоуда». Изначально, надо думать, летопись просто описывала последовательность остановок князя Даниила Романовича на пути к Батгю («и прииде Переяславлю и стрѣтоша Татаровѣ ѿтоуда же ѣха къ Коуремѣсѣ и видѣ[въ] тако нѣ^ѣ в ни^ѣ добра нача болми скорбѣти дѣю